

Следственный эксперимент

Оскарас Коршуновас: «Актер – преступная профессия»

Роман Должанский

12 и 13 ноября в рамках театрального фестиваля NET на сцене Центра имени Мейерхольда будет показан спектакль «Огне-ликий» по пьесе немецкого драматурга Мариуса фон Майенбурга. Его поставил режиссер Оскарас Коршуновас из Вильнюса, получивший в этом году престижную европейскую премию «Новая театральная реальность».

– Твоя фамилия звучит не очень по-литовски. Как будто к русской фамилии Коршунов добавили литовское окончание.

– Так и есть. Мой отец – русский, мать – литовка. Такая вот смешанная семья из советского исторического контекста.

– А вы дома в детстве говорили по-русски?

– По-литовски. По-русски вообще то же говорили. Но и в детский сад, и в школу я ходил в литовские.

– А в Москве когда был в последний раз?

– Давно. Лет десять назад. Тогда был фестиваль обзриутов, и на нем показывали мой первый спектакль по Хармсу.

– Ты только что приехал из Аргентины с гастролем. Как тебе Буэнос-Айрес?

– Ну вот как раз на 91-й год в Москве и похоже. Один друг из Германии, который был там вместе с нами, сказал, что это микс Мадрида, Нью-Йорка и еще чего-то. Кто-то из наших подхватил: «...и Москвы». Точно, там что-то есть от Москвы.

– Как там принимали «Огне-ликого»?

– Хорошо. Активно очень реагировали на текст.

– А ты вообще на скольких фестивалях был в этом году?

– Честно говоря, сбился со счета. С начала осени я не успеваю возвращаться в Вильнюс. И такая жизнь будет продолжаться целый год, до лета. Посмотрим, чем это кончится.

– Вот именно. Ты намерен так всю жизнь гастролировать?

– Нашему театру всего третий год. За первый сезон мы поставили восемь спектаклей, сделали целый репертуар. В прошлом году много играли по городам Литвы. А вот этот сезон получился заграничным, дома почти не бываем.

– Многие молодые режиссеры предпочитают работать с уже сложившимися известными труппами. А ты основал собственный театр. Почему?

– Не хочу быть наемным режиссером – тогда не чувствую процесса. Мне сейчас интересно работать с одной и той же группой людей. Что касается художественной ответственности за актеров, то без нее никакой театр невозможен. Но если она превращается в житейскую, бытовую ответственность, то это губит дело.

– Был момент, когда ты почувствовал международный успех? Когда количество внимания к тебе перешло в качество?

– Первый раз это было давно, когда я стал ездить с Хармсом. Но потом как-то уплыло. Но по-настоящему я это почувствовал в прошлом году в Авиньоне, когда показал «Мастера и Маргариту». Это чувство, что наш театр действительно существует. Что он стал опознаваемым. Теперь успех стал ежедневным. Тут нечего кривить душой. Но я совершенно спокоен, потому что успех эфемерен. Театр живет в конкретном времени, и все очень быстро забывается. В лучшем случае остаются какие-то мифы, которыми сами художники пользуются. А с театром это уже ничего общего не имеет. Но пока на спектаклях есть живая реакция публики, мне интересно.

– А провала боишься?

– Конечно. Всегда. Он где-то близко ходит.

– Наверняка многие зрители в каком-нибудь Буэнос-Айресе до вас живых литовцев в глаза не видели. Ты чувствуешь себя представителем своей маленькой страны?

– Это второстепенное ощущение. Хорошо, конечно, что кто-то пополняет свои геополитические знания. Но театральное происшествие, которого мы хотим, не зависит от географии. Когда мы только начинали ездить, действовали было ощутимо, что нас приглашали как экзотику. На нас смотрели каким-то антропологическим взглядом. Теперь весь фольклор и вся география кончились. Сейчас диалог совсем другой, по делу. Кстати, это особенно чувствуется на «Ог-

Независимая газ. 2001-10-нояб. - с. 11.

неликом». Никакой дистанции между сценой и публикой не было. Все воспринималось непосредственно. Непосредственность для меня важнее всего. А всякие контексты меня не очень интересуют, еду ли я в Париж или в Москву.

– Кстати, для тебя сегодня что ближе – Париж или Москва?

– Наверное, все-таки Париж. Так выходит. Просто потому, что с ним больше общей работы, общих проектов. Из Литвы легче съездить в Париж: просто сел в самолет и полетел. Но я все равно из советского поколения и культурно больше связан с Москвой.

– А как дальше будет, можешь предположить?

– Выровняется, надеюсь. Хорошо бы, чтоб и Париж не отдалился, и Москва приблизилась. В моем детстве Париж был чем-то нереальным. Я в четырнадцать лет прочитал книгу о Париже, и поверить было невозможно, что мы будем туда так часто ездить. Поверить, что Москва станет такой далекой, было не легче.

– О феномене литовской режиссуры в последнее время очень много говорят и пишут. У вас плотность признанных режиссеров на душу населения, наверное, самая большая в мире. Ты чувствуешь себя именно литовским режиссером?



Оскарас Коршуновас.

Фото предоставлено организаторами фестиваля NET

– Скорее вильнюсским. В нашем городе особая публика, и она очень хорошо справляется с обязанностями акушера, то есть очень хорошо принимает роды спектакля.

– Кроме Вильнюса, ты мог бы где-то еще жить?

– Чем чаще езжу и чем реже бываю в Вильнюсе, тем яснее становится, что это единственный город. На гастролях не вживаешься в другие города, хотя впечатлений очень много.

– Кто повлиял на тебя в режиссу-ре?

– Этих влияний так много, и они так переплелись, что ответить невозможно. Слово "учитель" в театре любят писать с большой буквы. А мне иногда кажется, что вопрос учителей и учеников в театре чересчур обострен. Хотя мне очень много дал Йонас Вайткус. И спектакли Някрошюса очень на меня повлияли.

– Тебе присуждена европейская премия в номинации "Новая реальность". Не смущает глобальность формулировки?

– Мне эта формулировка нравится. Я для каждого следующего спектакля сознательно пытаюсь придумать новую реальность. Хотя иногда я ловлю себя на том, что изобретаю велосипед. По-моему, реальность в театре вообще может быть только новая. Потому что старая неинтересна и непродуктивна, а обыденная невозможна.

– Сколько бы ты мог выдержать без театра? Ты наркоман театральный или нет?

– Выходит, что да. Репетирую всегда. Но чем дальше, тем больше мечтаю о возможности ничего не делать.

– На природу поедешь? Отдыхать от людей?

– Работа в театре – непрерывное общение с людьми. Очень интимное общение. На самом деле меня очень радует эта специфика театра. Конечно, кажется иногда, что театральное общение ни к чему не обязывает. Но такая откровенность, какая бывает возможна на сцене, невозможна в жизни. Ни с друзьями, ни с женщинами. И за бутылкой так не поговоришь, как поговоришь на сцене. А свобод-

ное время я бы провел в уединении. Но это долго бы не продолжилось, поскольку театр слишком опережает привычки и привязанности.

– Ты легко сходишься с людьми?

– Я общаюсь с людьми много, но не знаю, общителен ли я. Не знаю, приятен ли я окружающим. В России, кстати, более общительная культура, если так можно сказать по-русски, чем в Литве. Во Франции тоже можно болтать часами ни о чем. Это интересно, но немного странно. Потому что сама работа становится вспомогательным предлогом для общения. И меня это расстраивает, потому что оказывается, что работу можно и убрать.

– Литва ведь по преимуществу католическая страна. А ты ставишь всякие острые вещи вроде «Shopping & Fucking». Публика бывает шокирована? У тебя были такие проблемы?

– Я рассчитываю не на эпатаж, а на откровенность. В театре распадаются все искусственные барьеры и всякие искаженные ценности тоже. Хотя бы на момент создается иллюзия откровенности. Потому я ишу такие темы, о которых мы много думаем, но почти не говорим. Вот я хочу в театре говорить о том, о чем мы не говорим в обществе. Когда люди собираются в зале, они

становятся обществом. Спектакль нельзя показать одному человеку. Когда человек сидит один у телевизора или читает книгу, его легко обмануть. А в театре гораздо тяжелее. Там общество как бы вынуждено примириться и согласиться с внутренним монологом одного человека. Если это считается эпатажем, ну ладно....

– Ты говоришь – «зритель». А зрителем может быть и интеллигентная старушка, которая выгуливает собачку, и кислотный юноша, только что вылезший из сети. Они же как с разных планет люди. А в театре могут оказаться в соседних креслах. Как можно быть с ними одинаково откровенным?

– Они не с разных планет. Ты просто взял крайние варианты. Я рассчитываю на то, что внутри этой старушки и внутри этого кислотного молодца. Там меньше различий. Различия эти могут быть темой для театра, но не для моего.

– В смежных искусствах не хотелось бы поработать?

– Оперу я в Вильнюсе уже одну поставил, «Летучего голландца». А кино очень хочу снять. Я и в театр-то попал случайно, думая о кино. Мне казалось, что временно останавливаюсь в театре по дороге в кино. Но вот как-то застрял.

– Скажи, а в чем для тебя заключается суть режиссуры?

– В узнавании. Узнаешь в актере какой-то феномен, какой-то характер. Потом его узнает зритель. Нет, узнавание – это, наверное, я делаю дословный перевод с литовского, это... пажинимас... по-русски будет... опознание, да, есть такое слово?

– Есть. Преступников обычно опознают.

– Ну так вот это и есть суть. Это вообще преступная профессия.

– В каком смысле?

– А вот в таком. Если в театре не происходит преступления в культурном смысле, то ничего не происходит. Как же это по-русски... судитис... Состав! Должен быть состав преступления. ■

Роман Должанский – обозреватель газеты «Коммерсант».